

М. Б. Бессуднова

ИДЕЯ КРЕСТОВОГО ПОХОДА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СТРАТЕГИИ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА
РУБЕЖА XV–XVI ВВ.

DOI: 10.32608/1607-6184-2023-30-1-247-263

Аннотация. Кризисное состояние орденов в Пруссии как следствие поражения Немецкого ордена в войнах с Польско-Литовским государством XV в., равно как и эскалация русско-ливонских противоречий, актуализировали вопрос о внешней помощи им со стороны католических государств Европы. В орденовой документации этого периода акцентируются заслуги ордена времен завоевания Пруссии и Ливонии, а также его роль в обращении местных язычников и создании «крестоносных» государств. Основным мотивом того стало решение папы о выпуске «крестоносных» индульгенций (сruciate) в пользу поборников католической веры, на звание которых претендовали верховные магистры Немецкого ордена и магистры его ливонского подразделения. Позиционируя себя в качестве защитников веры от его врагов, турок и русских «схизматиков», руководство ордена рассчитывало не только на денежные дотации, но также на сохранение за ним статуса ландсгерра Пруссии, который оспаривался польско-литовскими государями, для чего требовалось доказать сохранение в изменившихся условиях его изначальной, «крестоносной» сущности. В силу зависимости от Польши верховные магистры вынуждены были уступить первенство в борьбе с турками польско-литовским государям и потому в качестве мотивации своих «крестоносных» проектов использовали обострение русско-ливонских противоречий и искусственно сфабрикованную идею «русской угрозы» для всего католического мира. Основное содержание «крестоносных» воззваний со стороны Немецкого ордена сводилось к оказанию ему помощи, прежде всего, финансовой при полном отсутствии призыва к тотальному военному выступлению католиков против русских и к обретению индульгенции в ее классическом понимании.

Ключевые слова: Немецкий орден, поздние крестовые походы, Пруссия, Ливония, «русская угроза».

Keywords: German Order, last Crusades, Prussia, Livonia, «Russian threat».

Вопрос о дефинициях крестовых походов в различных контекстах времени и места действия ввиду неоднозначности интерпретации их природы современной историографией вряд ли разрешим в отсутствие разработки типологии крестоносной экспансии.

Одну из ее разновидностей, оказавшуюся в зоне пристального внимания медиевистов нашего времени, представляют поздние крестовые походы, хронологические рамки которых охватывают период от битвы при Никополе 1396 г. до разгрома христианского воинства турками при Мохаче в 1526 г. Попытки атрибутировать и изучить феномен поздних крестовых походов в настоящий момент производятся в двух основных ракурсах – в связи с появлением у католического мира новых врагов в лице турок-османов, а также в контексте известного перекодирования проповеди «священной войны» в условиях масштабных социокультурных подвижек и глобального политического реформаторства, стремительно изменявших облик католической Европы в эпоху Высокого Возрождения и ранней Реформации. В обоих случаях в фокусе исследований неизменно оказывается религиозная основа идентичности западноевропейского социума, на укрепление которой была нацелена реставрация средневекового крестоносного дискурса и присущих ему поведенческих парадигм¹.

Крестоносная идея, воплощенная в совокупности разноформатных религиозно-исторических представлений, в преддверии Нового времени обеспечивала католической Европе сохранение универсальных христианских ориентиров, прочно укорененных в общественном сознании, не раз апробированных, не требовавших дополнительного осмысления. В изменявшемся мире они определенным образом подпитывали консолидацию западноевропейского сообщества, которое уже начинало ощущать разлагающие последствия индивидуализации веры и религиозных практик, а также успехов формирования институциональных государств с их политико-правовой и культурно-исторической самобытностью, с новыми формами саморефлексии, сориентированной не на общехристианские, а на государственные ценности. Представления об единстве христианского мира и общности задач, направленных на реализацию Божественного проекта человеческого существования, все больше перемещались в область риторики, в то время как сам этот мир на рубеже Средневековья и Нового времени обретал постоянно усложнявшуюся политическую композицию и все глубже погружался в пучину межгосударственных конфликтов, в изобилии возникавших по мере изменения геополитической обстановки. В этих

¹ Подробнее см.: *Housley*. 1992.

условиях идеалы «священной войны» для католических государств могли выступать в качестве средств достижения политического компромисса в контексте справедливого мирового порядка, замкнутого на великой цели защиты римско-католической Церкви от ее врагов. С другой стороны, интенсивно разрабатываемая историками область исследования рисует нам многообразие вариантов использования крестоносной риторики в процессе разрешения сугубо внутригосударственных, «национальных», задач, будь то спасение страны от внешних посягательств или внутреннего мятежа, фискальные выгоды, территориальные притязания, дипломатические маневры и т. п.²

В этом отношении представляет интерес рецепция крестоносной идеи, которая имела место на рубеже XV–XVI вв. в орденских государствах Пруссии и Ливонии (последнее в пределах Ливонской конфедерации), возникших в XIII в. в ходе экспансии Немецкого (Тевтонского) ордена при поддержке Священной Римской империи и папства. Благодаря этим двум политическим институтам, веками оспаривавшим друг у друга главенство над католическим сообществом, орденские государственные образования в Балтийском регионе обрели статус «крестоносных государств», в отношении которых империя и папство выступали не только как создатели, но и как основные гаранты незыблемости данной государственно-правовой системы и связанных с ней прерогатив Немецкого ордена, оформленных папскими и императорскими привилегиями³, которые сообщали ему статус государя (ландсгерра) Пруссии и Ливонии и тем самым являли «основу всей его сущности»⁴. В XV в., отмеченном серией поражений Немецкого ордена в войнах с Польшей и союзным ей Великим княжеством Литовским⁵, польско-литовская сторона поставила вопрос о праве ордена на обладание этими привилегиями после завершения христианской «миссии» в Европе, который дискутировался на протяжении всего столетия⁶. Руководство ордена в лице верховных магистров Иоганна фон Тифена (1488–1497) и Фридриха Саксонского (1498–1510) вынуждено

² Bak. 2004: 124–127; Nowakowska. 2004: 128–147; Jensen. 2007: 70–158.

³ Hellmann. 1956/1957: 78–108; Jähnig. 1991: 19–22.

⁴ Voigt. 1827: 196.

⁵ Forstreuter. 1960; Biskup. 1967; Бокман. 2004: 161–179; Biskup, Czaja. 2008: 258–282.

⁶ См.: Sarnowsky. 2000: 403–422.

было проводить кампанию по защите привилегий ордена, поскольку их упразднение влекло за собой радикальную реорганизацию всех орденских и государственных структур Орденской Пруссии, а также вероятную передислокацию ордена с берегов Балтики на Дунай для обороны католического мира от натиска турок-османов⁷. Устранение угрозы во многом зависело от того, удастся ли Немецкому ордену, чья монашеская природа давно формализовалась, уступив первенство административно-хозяйственным функциям⁸, доказать свою верность традициям служения «на пути Господнем» и тем самым подтвердить свое тождество с тем духовно-рыцарским братством, которому эти привилегии некогда жаловались. На решение этой задачи, в частности, были направлены внутриорденские реформы XV в., посредством которых верховные магистры, пытались возродить в рыцарях ордена дух старинного благочестия⁹.

Осенью 1493 г. в связи с утверждением привилегий Немецкого ордена папой Александром VI вопрос об их правомерности был вновь поднят в папской курии епископом Эрмандландским (Варминьским) Лукасом Ватценроде (1489–1512) при поддержке прусского епископата и польского короля Казимира IV Ягеллончика¹⁰. Для нейтрализации угрозы верховный магистр фон Тифен старался использовать благосклонность церковных иерархов и лоббировать интересы ордена в римской курии, но нехватка денег мешала успеху такого рода стратегии (см. ниже). Большой эффект обещало использование концепта «русская угроза», который на тот момент в условиях эскалации русско-ливонских противоречий уже была апробирована ливонским подразделением Немецкого ордена¹¹. В начале 1494 г. верховный магистр доводил до сведения папы, что

требуется сохранить Немецкий орден, госпиталь (*Hospital*) всей немецкой нации, который и сегодня является оплотом против русских и защитой святого христианства на окраинах [католического мира], с его привилегиями и установлениями (*grundfeste*), пожалованными папами, императорами

⁷ Thumser. 2000: 139–178.

⁸ Dygo. 1990: 7–19; Elm: 1993: 7–23; Kwiatkowski: 107–130.

⁹ Arnold. 1989: 139–152; Biskup. 1999: 277–285; Бессуднова. 2007: 26–42.

¹⁰ Górski. 1973: 52–65; Beuttel. 1999: 239–240; Thumser. 2000: 153–154.

¹¹ Бессуднова. 2014: 144–156.

и князьями, утвердить их и ничего против них не предпринимать¹².

Ввиду условий 2-го Торуньского мира 1466 г., утвердившего зависимость Восточной Пруссии от польского короля, но не касавшегося напрямую ливонского орденового государства, вопрос о привилегиях не имел для последнего большого значения. Солидарность высших ливонских администраторов с главой Немецкого ордена, засвидетельствованная корреспонденцией ливонского магистра Вольтера фон Плеттенберга (1494–1535), мотивировалась потребностью в деньгах и желанием получить от Святого престола «отпущение» (*aplaß*) с правом обретения части доходов от продажи «крестоносных» индульгенций, которое предоставлялось государям, доказавшим свою ревность в борьбе с «врагами христианства»¹³. «Отпущение» Ливонский орден получал в 1448 г. во время войны с Псковом и Новгородом¹⁴; его намеревался просить магистр Берндт фон дер Борх (1471–1483) в целях противостояния «русской угрозе» (в реальности для борьбы с архиепископом Рижским)¹⁵.

В конце XV в., накануне «юбилейного» 1500 г., Немецкий орден в лице своего руководства включился в соревнование за «отпущение», благо успех подобного демарша, во-первых, гарантировал ему сохранение привилегий («крестоносцу» никто не мог нанести урон), и, во-вторых, обеспечивал солидные субсидии, которые могли бы ему помочь преодолеть хроническое безденежье. Чтобы добиться возжеленной цели, требовалось придать внешнеполитическим предприятиям ордена «крестоносный» статус, при этом участие Немецкого ордена в кампаниях против турок (например, валашский поход 1497 г.) не могло быть ему особо полезным, поскольку слава «крестоносца» в таком случае доставалась созерену

¹² GStA PK. XX. HA. OF 18b. S. 169 v.–169 r.

¹³ Ehlers 2007: 32.

¹⁴ Бессуднова. 2012: 79–83.

¹⁵ В августе 1473 г. магистр фон дер Борх резко отозвался о епископе Замландском Дитрихе фон Луба, который, будучи членом Немецкого ордена, добивался папской милости лишь для своего диоцеза, пообещал, что в таком случае не выплатит в счет «отпущения» ни пфеннига (GStA PK. XX. HA OVA. № 16422). В начале 1480 г. магистр сам пытался добиться «отпущения» в римской курии (GStA PK. XX. HA OVA. № 16867), но не преуспел. См. также: *Arbusow*. 1910: 371–377.

ордена, королю Польскому¹⁶. Иное дело эксплуатация идеи «русской угрозы», которая, помимо прочего, позволяла верховному магистру под предлогом оказания помощи ливонским собратьям уклоняться от участия в антитурецких кампаниях¹⁷.

Старт «крестоносного» проекта Немецкого ордена, нацеленный на получение соответствующих санкций со стороны папства и империи, имел место в 1496 г. В мае верховный магистр Иоганн фон Тифен предложил ливонскому магистру Плеттенбергу направить к римскому королю Максимилиану I и имперским сословиям совместное посольство с просьбой ходатайствовать перед папой о предоставлении Ливонскому ордену «крестоносной» буллы (*cruciate*) с тем, чтобы

он своим посланием вновь провозгласил крест, с помощью которого можно было бы затем оказать сопротивление русским схизматикам (*dat cruce, dardorch denn den affbesunderden Russenn mochte wedderstant gescheenn, mit wider eres breves verhale*)¹⁸.

Плеттенберг, однако, в тот момент надеялся сохранить с Московским государством мир и от предложения отказался¹⁹.

Между тем папа Александр VI под предлогом оказания помощи Швеции, находившейся в состоянии войны с Россией (1495–1497), благословил крестовый поход против России. В послании к епископам Упсалы и Або от 22 июня он разрешил проповедь сбора средств для обороны от «схизматиков» в пределах Швеции и Ливонии, «которые (*in fine terrarum christianorum et confinibus dictorum schismaticorum continua bella gerendo consistunt*)». Речь шла, в первую очередь, о деньгах на оплату наемников (*armatos stipendiando*), а в качестве награды участникам акции предлагалось «отпущение грехов как при жизни, так и посмертно (*peccatorum suorum remissionem semel in vita et in mortis*)»²⁰. 4-5 августа ливонский магистр письменно обратился к Любеку и прочим ганзейским городам со словами благодарности, в особенности за поддержку призыва папы к «крестовому походу» (*cruce, crucefart*) против «русских

Примечание [M1]: Пропуск: "которые на границе христианских земель и в близости с названными схизматиками пребывают в ведении постоянных войн"

¹⁶ Thumser. 2000: 159.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ LEKUB 2. Bd. 1. № 350.

¹⁹ LEKUB 2. Bd. 1. № 354.

²⁰ LEKUB 2. Bd. 1. № 364.

схизматиков», изложенного в «послании и булле по поводу отпущения» (*afflatesbrefe und bullen*) или «послания о крестовом походе» (*kruzbreff*), суть которого, по мнению магистра, сводилась к сбору денег в ящиках и сундуках, а также к возможной мобилизации солдат и использовать [их] для утешения, помощи и спасения этой страны [Ливонии] от не к добру помянутых русских (*gestalt geld in kasten und kisten, oick volck mochte sameln und upbringen tho troiste, hulpe und reddinge dusszer lande wedder de snoitgenanten Ruszen*). Нет ни малейшего намека на мобилизацию благочестивых добровольцев, желающих принять крест, но ливонский магистр вполне определенно выражает желание получить по папской «кrestoносной грамоте» «около 8-9 тысяч вооруженных людей <...> с хорошей, надежной, боеспособной конницей (*by 8 oft 9 dusent gewapender man <...> mit guder vaster krichhafftiger ridderschop*)»²¹. В сентябре магистраты Любека и прочих ганзейских городов в письме к верховному магистру выразили согласие «принять крест» (*dat crewtzc erwurben*) и обещали «поставить ящики [для денег] и оказать помощь спасению христианской страны Ливонии (*kasten setzen und czu rettunge der cristenlande Leiffland czu hulff schaffen*)»²².

Ввиду предстоящего валашского похода верховный магистр фон Тифен также намеревался «обрести крест», в чем ему обещали помочь «добрые друзья» Немецкого ордена (*unsers ordens guten frunden*) в Риме, и рассчитывал на содействие ливонского магистра Плеттенберга²³, который, впрочем, вновь отказался следовать примеру главы ордена, поскольку

получил совет на время, пока не пройдет “золотой год” (*gulden jar*), оставить мысль о принятии креста, ибо добиваться его сейчас, а потом вскоре отменять, значит потерять деньги, ведь, если русские про то узнают, они возжелают нарушить мир и напасть на страну [Ливонию]. Сейчас же у них

Примечание [M2]: Использовании

²¹ LEKUB 2. Bd. 1. № 384.

²² LEKUB 2. Bd. 1. № 411.

²³ Из письма верховного магистра фон Тифена к прокуратору Немецкого ордена в Риме от 15 октября 1496 г. (LEKUB 2. Bd. 1. № 429. S. 313). См. также: Thunser. 2000: 160–162.

Ливонцев] есть еще надежда какое-то время жить в мире и без потерь²⁴.

Примечание [МЗ]: Закавычить цитату

Такой подход, впрочем, не помешал Плеттенбергу одобрить миссию ландкомтура Эльзаса Вольфганга фон Клингенберга и комтура Остероде Людвига фон Зансхейма, направленных верховным магистром к императору с ходатайством о помощи Немецкому ордену в обретении папской милости, поскольку полагал подобное хорошим заделом на будущее²⁵.

В сентябре 1496 г. ввиду успеха «крестоносной» кампании у верховного магистра появилась надежда, что дело о привилегиях Немецкого ордена при содействии влиятельных людей «продвигается в нужном направлении» (*in gutem wege sey*)²⁶, но вскоре епископ Эрмандландский вновь вынес этот вопрос на суд курии²⁷. Два раунда переговоров представителей ордена с епископом (15 ноября 1496 и 11-13 января 1497 г.²⁸) не дали результата. 24 мая 1497 г. верховный магистр обратился к Максимилиану I с посланием, в котором живописал нависшую над Ливонией угрозу со стороны «неверных русских схизматиков» (*abgesünderten ungloubigen Rewszzen*), сетовал на невозможность ввиду предстоящей турецкой кампании оказать ей помощь и просил освободить от недавно учрежденного налога («единого пфеннига», введенного Вормским рейхстагом 1495 г.²⁹) ряд имперских баллей (орденских округов), дабы Немецкий орден смог выполнить свой долг по защите христианства от турок и «русских схизматиков»³⁰. Ссылкой на «русскую угрозу» верховный магистр сопровождал также просьбы о денежном вспоможении, обращенные к главам некоторых импер-

²⁴ Об этом верховный магистр сообщал в Рим 25 ноября 1496 г. (LEKUB 2. Bd. 1. № 447).

²⁵ Письмо верховного магистра комтуру Остероде от 28 сентября 1496 г. (LEKUB 2. Bd. 1. № 411). См. также: LEKUB 2. Bd. 1. №№ 419, 443, 447.

²⁶ LEKUB 2. Bd. 1. № 419. Еще раньше, весной 1495 г., епископ и некоторые члены эрмандландского капитула обратились к королю Яну Олбрахту по поводу орденских привилегий и предложили ему удалить орден из Пруссии в Подолью (*Thumser*. 2000: 154–155).

²⁷ LEKUB 2. Bd. 1. № 422.

²⁸ GStA PK. XX. HA, OBA. №№ 17944, 17956.

²⁹ *Schmid*. 2000: 336.

³⁰ LEKUB 2. Bd. 1. № 535. С аналогичной просьбой осень 1497 г. к императору обращался штатгальтер ордена Вильгельм фон Изенбург (LEKUB 2. Bd. 1. № 599).

ских баллей³¹. В лучших традициях религиозной риторики времен Тринадцатилетней войны ордена с Польшей 1454–1466 гг.³², описал валахский поход 1497 г. секретарь верховного магистра Либориус Накер, который представил Немецкий орден в качестве основного защитника христианства, сражающегося с его врагами на многих фронтах³³. Та же тема не раз затрагивалась также в посланиях главы Немецкого ордена³⁴.

Осенью 1497 г. штатгальтер Вильгельм фон Изенбург, временно возглавлявшего орден после смерти Иоганна фон Тифена, назначил обер-прокуратором Немецкого ордена в Риме энергичного Михаила Шультете, «господина ученого, имеющего опыт в делах этой страны, привилегий нашего ордена и римской курии»³⁵, которому получил добиваться благоприятного разрешения проблемы привилегий и пожалования ордену субсидий в виде крестоносного «отпущения»³⁶. Одновременно Изенбург предполагал, используя посредничество епископов Кёльна и Трира, обратиться к императору и рейхстагу, чтобы те «подвинули [церковных иерархов] в римской курии к столь христианскому делу»³⁷.

Активность орденового руководства в борьбе за «отпущение» в 1497–1498 гг. сопровождалась заметной радикализацией его отношения к Московскому государству, которая проявилась в инициативе штатгальтера по созданию антимосковской коалиции в составе Дании, Швеции и Ливонии («план Изенбурга»), созвучного вышеупомянутому папскому посланию 1496 г. В письмах штатгальтера подчеркивается оборонительный характер задуманного альянса³⁸, что не исключало вторжения в Россию и принудительно-

Примечание [M4]: архиепископов

³¹ LEKUB 2. Bd. 1. №№ 536, 539.

³² Schmitz. 2007: 165–200.

³³ Liborius Naker's Tagebuch. 1874: 289–314. См. также: Thumser. 2000: 162–164.

³⁴ LEKUB 2. Bd. 1. №№ 27, 42, 50, 56, 61, 289, 422, 478.

³⁵ Из письма штатгальтера Изенбурга Плеттенбергу от 31 октября 1497 г. (LEKUB 2. Bd. 1. № 606).

³⁶ Ibid.

³⁷ Из письма верховного магистра к имперскому магистру от 18 декабря 1497 г. (LEKUB 2. Bd. 1. № 624).

³⁸ В письме от 7 ноября 1497 г. штатгальтер просил императора содействовать примирению Дании и Швеции и заключению ими союза, чтобы «в неверных русских, врагах нашей святой веры, не рождалась и не пробуждалась гордыня и жажда христианской крови и в дальнейшем не свершалось разорительных набегов на христианские и немецкие земли» (LEKUB 2. Bd. 1. № 611).

го обращения русских в католичество³⁹. Созвучность этой реплики вышеназванному папскому посланию позволяет видеть в ней всего лишь коррелят, сообщавший орденскому проекту сходство со «священной войной» против «неверных». В момент, когда в папской курии решался вопрос о привилегиях Немецкого ордена, а его руководство тщилося обосновать право располагать ими, доказав его верность крестоносной традиции, подобная кодировка имела глубокий смысл⁴⁰. Претворить «план Изенбурга» в жизнь, впрочем, в силу ряда обстоятельств не получилось.

При сложившихся обстоятельствах манифестация идеалов борьбы с «врагами веры» определенно имела для Немецкого ордена особый смысл. Для обоснования прав на «крестоносные» привилегии одних риторических приемов со ссылками на заслуги ордена в деле христианизации Пруссии и Ливонии⁴¹, пророчества св. Биргитты и св. Сибиллы⁴² и прочие духовные мотивации Немецкого ордена⁴³ было явно недостаточно. Поражение, которое он понес в

³⁹ «Много лучше и более необходимо оказать русским вооруженное сопротивление, вторгнуться в их страну и принудить их принять христианскую веру, как была принуждена Пруссия нашим орденом с помощью христианских князей, государей и властей Любека». Из письма штатгальтера Изенбурга делегации Любека на Нарвских переговорах от 16 января 1498 г. (LEKUB 2. Bd. 1. № 637).

⁴⁰ Бессуднова. 2010: 36–40.

⁴¹ Так, например, устами своего посла Людвига фон Зансхейма верховный магистр Фридрих Саксонский призывал императора на Аугсбургском рейхстаге 1500 г. «принять к сердцу, с какими великими трудами немецкая нация посредством большого кровопролития привела эту страну [Ливонию] к христианской вере и управлению и сделала эту страну госпиталем для всей немецкой нации, и не жалеть труда, чтобы возвратить эти земли в их прежнее состояние, заслужив награду от Божьей Матери» (LEKUB 2. Bd. 1. № 1022).

⁴² LEKUB 2. Bd. 1. № 629.

⁴³ Примером религиозной риторики, используемой тогда руководством Немецкого ордена, может служить речь капеллана штатгальтера Изенбурга, направленного им и магистром Плеттенбергом в конце 1497 г. к шведскому правителю Стену Стуре: «Мои милостивые государи, [магистры] святого ордена (*des heiligen ordens*), будучи, покровителям (*mitvorsorger*) и защитникам святого христианства, которое вынуждено, не жалея жизни и достоинства, вести борьбу с неверными, использовать для того все свои возможности, размышляли и обстоятельно обсуждали, что ваша милость совместно с христианским воинством мог бы сделать во славу Господа, ради великого служения и возвеличивания высокочтимой Царицы [небесной] Марии и всех небесных святых, а также для того, чтобы оставить у всех сословий, духовных и светских, пап, императоров, королей, курфюрстов, князей, графов, свободных [господ], ры-

1497 г. в Валахии⁴⁴, девальвировало его заслуги в борьбе с турками и их союзниками, а потому достижения его ливонского подразделения в противостоянии «русским схизматикам» оставались для него, по сути дела, единственным серьезным козырем в борьбе за папскую милость.

Осенью 1498 г. Плеттенберг направил в Рим ревельского епископа Николая Родендорпа, которому поручил совместно с прокуратором ордена Михаилом Шульдете добиваться *cruciate* и связанных с ней субсидий⁴⁵. В конце года, однако, прокуратор сообщил, что, несмотря на помощь влиятельных лиц и внимание папы к положению дел в Ливонии, попытка оказалась безрезультатной. Папа ограничился обращением к государям Дании и Литвы, которых призвал оказать помощь Ливонии⁴⁶. Спор об орденских привилегиях также вступал в завершающую стадию. В письме от 28 декабря 1498 г. тот же Шульдете сообщал: «Надеюсь, что дело завершится до Сочельника, но при этом я должен выплатить очень много денег, а у меня нет ни гроша». Вызывает интерес упоминание о некоем португальце, «злодее» (*bosze bufie*), который выдавал себя за приближенного великого князя Литовского и имел верительные грамоты к папе. Располагая поддержкой епископа Жемайтйского и герцога Померанского, этот человек интриговал против Немецкого ордена и Ливонии, а когда Шульдете попытался ему помешать, пообещал сломать тому шею⁴⁷. И еще один фрагмент из указанного письма:

Я узнал от поляков, находящихся сейчас в Риме, что король Польши и король Венгрии направляют к папе свое посольство в составе 60 человек. Меня беспокоит, что они также станут домогаться *cruciate*. Не думаю, что они добьются успеха, хотя на все воля Божья. Если же они преуспеют, чему я

царей, кнехтов, ратов, городов, всего христианства вечную память о заслугах, благодаря которым королевство Швеция и прилегающие христианские страны могли бы получить оборону, защиту, утешение, помощь, совет против неверных русских, татар и турок» (LEKUB 2. Bd. 1. № 629).

⁴⁴ *Thumser*. 2000: 161–166.

⁴⁵ Осенью и в конце 1498 г. епископ находился в Риме. О его совместных действиях с прокуратором Шульдете см.: LEKUB 2. Bd. 1. № 752.

⁴⁶ *Ibid*.

⁴⁷ LEKUB 2. Bd. 1. № 753.

намерен препятствовать, они не должны использовать это в ущерб Ливонии и стране нашего ордена в Пруссии⁴⁸.

Примечание [M5]: Закавычить цитату

Неудача миссии Шульте вынудила верховного магистра Фридриха Саксонского отказаться от расчетов на папскую милость и сделать ставку на императора как «защитника» (*Schutzherr*) ордена. В 1500 г. он направил Людвига фон Зайнскейма к императору для переговоров о передаче верховному магистру регалий имперского князя⁴⁹, высказался по этому поводу вполне определенно:

Вследствие предоставления себя империи и восприятия [верховным магистром княжеских] регалий орден не будет иметь проблем из-за своих привилегий⁵⁰.

Примечание [M6]: Закавычить цитату

В феврале 1499 г. верховный магистр просил Максимилиана I выступить в роли третейского судьи в деле об орденских привилегиях, предоставив ему документальные подтверждения прав ордена⁵¹. Плеттенберг же, хоть и обращался к императору за помощью⁵², не спешил признать зависимость Ливонского ордена от империи, поскольку не хотел возлагать на него бремя имперских налогов⁵³, в частности, «единого пфеннига»⁵⁴. Ливонского магистра настораживали также приверженность императора к союзу с Россией⁵⁵ и малая результативность обсуждений «ливонского вопроса» на рейхстагах⁵⁶.

Изменение вектора прусской политики в немалой степени предопределялось ухудшением отношений Орденской Пруссии и Польши и заинтересованностью Фридриха Саксонского в сближе-

⁴⁸ LEKUB 2. Bd. 1. № 564.

⁴⁹ Voigt. 1827: 238; Oberländer. 1914: 19.

⁵⁰ LEKUB 2. Bd. 1. № 1046.

⁵¹ LEKUB 2. Bd. 1. № 775.

⁵² LEKUB 2. Bd. 1. №№ 407, 411, 412, 419, 429, 443, 448, 577, 599, 605, 611; GStA PK. XX. HA, OVA №№ 17906, 17909, 17914, 179326 17958.

⁵³ Arnold. 1985: 30–31; Wimmer. 1988: 76–77.

⁵⁴ Schmid. 2000: XXXIX.

⁵⁵ Wimmer. 1988: 70.

⁵⁶ В 1495 г. Плеттенберг обращался за помощью к имперским «сословиям» на Вормском рейхстаге (LEKUB 2. Bd. 1. № 247–250). Затем этот вопрос поднимался на рейхстаге в Вормсе 1497 г., но был перенесен на следующее собрание, однако рейхстаг, состоявшийся в 1498 г. во Фрайбурге, не включил его в повестку дня (LEKUB 2. Bd. 1. № 582).

нии с великим князем Московским⁵⁷. Упоминания «русской угрозы» в корреспонденции верховного магистра к началу XVI в. сводятся к минимуму, и Ливонский орден в качестве противника «русских схизматиков», соответственно, перестал быть интересным. Равнодушие к его судьбе просматривается в строках письма имперского магистра Андреаса фон Грумбаха с утверждением, что тяжелое положение Ливонии Немецкому ордену как таковому не угрожает⁵⁸.

В заключение следует сказать, что реанимирование «крестоносной» идеи в политической стратегии Немецкого ордена конца XVI в. отражало характер ментальности, религиозно-исторических представлений и экклезиологических посылок той эпохи, в рамках которых орденскому братству, несмотря на очевидное изживание его изначальной, духовно-военной, природы, по-прежнему отводилась роль поборника католической веры и защитника Церкви от внешней угрозы. Сюда также следует прибавить естественное переживание страха, вызванного появлением **турок** и ранее почти неизвестных «московитов» на границах Ливонии⁵⁹. Вместе с тем парадигма векового противостояния Ливонского ордена «русским схизматикам» использовалась руководством Немецкого ордена в качестве аргумента в защиту орденских привилегий и ради получения денежных субсидий от римской курии. Верховные магистры фон Тифен и Фридрих Саксонский действовали сообща с ливонским магистром Плеттенбергом, стараясь доказать состоятельность ордена в роли «крестоносца», защитника Ливонии, а вместе с ней и всего католического мира от «русских схизматиков».

«Крестоносная» риторика в обилии присутствует в орденской корреспонденции рубежа XV–XVI вв. Во-первых, она касалась воледеленного папского послания, призванного разрешить политические и денежные проблемы ордена, которое определялось как *kruziate*, *cruciata*, *cruciate*, *cruciat*, *kruzbreff* или *aflatesbrefe* и трактовалась как особая папская милость, обращенная к поборникам веры. Во-вторых, внешнеполитические предприятия Немецкого ордена, будь то походы против турок или, что случалось гораздо чаще, противостояние «русским схизматикам», прямо трактовались как

Примечание [M7]: в Восточной Европе

⁵⁷ Sach. 2002: 118–131.

⁵⁸ LEKUB 2. Bd. 1. № 757.

⁵⁹ Подробнее см.: Bessudnova. 2012: 82–88.

крестовые походы (*crucefacti*)⁶⁰, а их участники из состава орденского братства как крестоносцы (*cruce signati*⁶¹ или *cruciferti*⁶²). В целях обоснования подобных дефиниций орденские чины использовали комплекс определяющих их признаков, которые соответствовали реалиям их эпохи и целевой, сугубо прагматической, направленности орденского «крестоносного» проекта. Смысловой наполненности топоса «крестовый поход» здесь соответствует наличие папской санкции, правда, папская булла касалась времен русско-шведской войны 1495–1497 гг., а большинство вышеназванных риторических конструкций связано с преддверием, ходом и последствиями русско-ливонской войны 1501–1503 гг., которая статуса «крестового похода» или «священной войны» официально не была удостоена. Здесь уместно говорить о феномене интерпретации событий их участниками, которая мотивировалась отнюдь не состоянием коллективного благочестия или потребностями Церкви. Когда ордену было отказано в «папской милости», верховный магистр Фридрих Саксонский легко отошел от борьбы за папскую санкцию и секуляризировал процесс разрешения внешнеполитических проблем, обратившись за помощью к империи. Вследствие этого обретение Немецким орденом папского «отпущения» в качестве воздаяния за его участие в «крестоносных» мероприятиях утратило свою актуальность. Прошедшая кампания показала, что «отпущение» предполагало не освобождение от бремени грехов, а все лишь папский «грант», право на который орден, как и прочие соискатели, должен был убедительно обосновать и по получении отработать, как это впоследствии дважды, в 1503–1506 и 1507–1510 гг., удалось сделать его ливонскому подразделению⁶³. Орден проявил полное равнодушие к притоку благочестивых крестоносцев, горящих желанием пролить кровь на «пути Господнем», отдавая предпочтение снабжению себя денежными средствами и наемниками. Последние, заметим, статуса крестоносцев не получали в отличие от тех, кто наполнял денежные ящики своими жертвованиями. Проповедь «креста» как мощный канал влияния на массы также оказалась сведенной к акциям подобного рода. Признания

Примечание [M8]: Слово удалить

⁶⁰ LEKUB 2. Bd. 1. № 384; LEKUB 2. Bd. 2. № 279, 290, 335, 411, 483, 598, 639, 689, 691, 840–842.

⁶¹ LEKUB 2. Bd. 2. № 691, 840/12, 841.

⁶² LEKUB 2. Bd. 2. № 114.

⁶³

стилизации под определенные образцы здесь несомненны, и, если задаться вопросом об изначальных мотивах и сознательных целях «крестоносных» мероприятий Немецкого ордена, их идентичность крестовым походам конца XI – XIII вв. представляется более чем сомнительной.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Geheimes Staatsarchiv preußischer Kulturbesitz, Berlin (GStA PK). XX. HA, Ordensbriefarchiv (OBA).

Geheimes Staatsarchiv preußischer Kulturbesitz, Berlin (GStA PK). XX. HA, Ordensfolianten (OF).

Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 2 / Hrsg. v. L. Arbusow (LEKUB 2). Riga; Moskau, 1900. Bd. 1.

Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 2 / Hrsg. v. L. Arbusow. Riga; Moskau, 1905. Bd. 2.

Liborius Naker's Tagebuch über den Kriegszug des Hochmeisters Johann von Tiefen gegen die Türken im Jahre 1497 // *Scriptores rerum Prussicarum*. Leipzig, 1874. Bd 5.

ЛИТЕРАТУРА

Бессуднова М.Б. «Русская угроза» в ливонской орденской документации 80-х и начала 90-х гг. XV в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. Вып. 1. С. 144–156.

Бессуднова М.Б. Верховный магистр Иоганн фон Тифен – «последний брат-рыцарь» во главе Немецкого ордена // *Человек XV в.: Грани идентичности*. М., 2007. С. 26–42.

Бессуднова М.Б. Война Ливонского ордена с Новгородом 1443–1448 гг. // *Вестник Воронежского государственного университета. История. Политология. Социология*. 2012. Вып. 1. С. 79–83.

Бессуднова М.Б. Привилегии Немецкого ордена, «священная война» и эскалация русско-ливонского конфликта в конце XV в. // *Судьбы славянства и эхо Грюнвальда*. СПб., 2010. С. 36–40.

Бокман Х. Немецкий орден. Двенадцать глав из его истории. М., 2004. С. 161–179.

Arbusow L. Die Beziehungen des Deutschen Ordens zum Ablasshandel seit 15. Jahrhundert // *Mitteilungen aus der livländischen Geschichte*. 1910. Bd. 20. H. 3. S. 367–529.

Arnold U. Livland als Glied des Deutschen Ordens in der Epoche Wolters von Plettenberg // *Wolter von Plettenberg, der größte Ordensmeister Livlands* / Hrsg. v. N. Angermann. Lüneburg, 1985. S. 23–46.

Arnold U. Reformansätze im Deutschen Orden während des Spätmittelalters // Reformbemühungen und Observanzbestrebungen im spätmittelalterlichen Ordenswesen / Hrsg. v. K. Elm. B., 1989. S. 139–152.

Bak J.M. Hungary and Crusading in the Fifteenth Century // *Crusading in the Fifteenth Century. Message and Impact* / ed. by N. Housley. Hardcover, 2004. Pp. 116–127.

Bessudnova M. Russen und Moskauer – von Angst und Misstrauen zu Verständnis und Zusammenarbeit // Russen und Deutschen. Essay-Band zur Ausstellung über 1000 Jahre russisch-deutsche Beziehungen / hrsg. v. A. Lavrent'ev, H. Neumeier. Berlin, 2012. S. 82–88.

Beuttel J.-E. Der Generalprokurator des Deutschen Ordens an der römischen Kurie. Amt, Funktion, personelles Umfeld und Finanzierung. Marburg, 1999.

Biskup M. Plan reformy zakonu krzyżackiego w Prusach z 1492 roku // Prusy – Polska – Europa: studia z dziejów średniowiecza i czasów wczesnonowożytnych / pod red. A. Radziwińskiego. Toruń, 1999. S. 277–285.

Biskup M. Trzynastoletnia wojna z Zakonem Krzyżackim 1454–1466. Warszawa, 1967.

Biskup M., Czaja R., Długokrećki W. Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo. Warszawa, 2008.

Dygo M. Mnich i rycerz: Ideologiczne modele postaw w zakonie krzyżackim w Prusach w XIV–XV wieku // *Zapiski historyczne*. 1990. T. 55. Z. 4. S. 7–19.

Ehlers A. Die Ablasspraxis des Deutschen Ordens im Mittelalter. Marburg, 2007.

Elm K. Die Spiritualität der geistlichen Ritterorden des Mittelalters. Forschungen und Forschungsprobleme // *Die Spiritualität der Ritterorden im Mittelalter* / Hrsg. v. Z. H. Nowak. Toruń, 1993. S. 7–23.

Forstreuter K. Beiträge zur preussischen Geschichte im 15. und 16. Jahrhundert. Heidelberg, 1960.

Górski K. Lukas von Watztenrode. Życie i działalność 1447–1512. Wrocław, 1973.

Hellmann M. Die Verfassungsgrundlagen Livlands und Preußens im Mittelalter. Ein Beitrag zur vergleichenden Verfassungsgeschichte // *Ostdeutsche Wissenschaft*. 1956/1957. Bd. 3/4. S. 78–108.

Housley N. The Later Crusades. From Lyons to Alcazar, 1274–1580. Oxford, 1992.

Jähnig B. Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seine Herrschaft in Livland // *Westpreußen– Jahrbuch*. 1991. Bd. 4. S. 60–72.

Jensen J.M. Denmark and the Crusades, 1400–1650. Leiden, 2007.

Kwiatkowski S. „Devotio antiqua“, ihr Niedergang und die geistigen Ursachen der religiösen Krise des Deutschen Ordens im Spätmittelalter // *Deutscher Orden 1190–1990* / Hrsg. v. U. Arnold. Lüneburg, 1997. S. 107–130.

Nowakowska N. Poland and the Crusade in the Reign of King Jan Olbraht, 1492–1501 // *Crusading in the Fifteenth Century. Message and Impact* / ed. by N. Housley. Hardcover, 2004. Pp. 128–147.

Oberländer P. Hochmeister Friedrich von Sachsen (1498–1510). Berlin, 1914.

Sach M. Hochmeister und Großfürst: die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preussen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. Stuttgart, 2002.

Sarnowsky J. Die ständische Kritik am Deutschen Orden in der ersten Hälfte des 15. Jahrhunderts // Das Preußenland als Forschungsaufgabe. Festschrift für U. Arnold zum 60. Geburtstag. Lüneburg, 2000. S. 403–422.

Schmid P. Der Deutsche Orden und die Reichssteuer des Gemeinen Pfennigs von 1495: die Grundherrschaft des Deutschen Ordens im Reich an der Wende vom 15. zum 16. Jahrhundert. Neustadt a.d. Aisch, 2000.

Schmitz F. Eine Deutschordenschonik berichtet Beschreibung von Personen und Gruppen in der «Geschichte wegen eines Bundes» // Bilder – Wahrnehmungen – Vorstellungen. Eine Forschungen zur Historiographie des hohen und späten Mittelalters. Göttingen, 2007. S. 165–200.

Thumser M. Eine neue Aufgabe im Heidenkampf?: Pläne mit dem Deutschen Orden als Vorposten gegen die Türken // Europa und die Türken in der Renaissance. Tübingen, 2000. S. 139–178.

Voigt J. Geschichte Preußens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Königsberg, 1827. Bd. 2.

Wimmer E. Livland – ein Problem der habsburgisch–russischen Beziehungen zur Zeit Maximilians I. // Deutschland – Livland – Russland. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg / hrsg. v. N. Angermann. Lüneburg, 1988. S. 53–110.